

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Василий Половцев*

Вербинина, Валерия.

В31 Театральная площадь : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 320 с. — (Мастера сыска. Советское время).

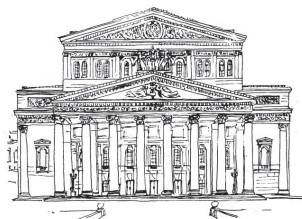
ISBN 978-5-17-167805-0

Провожая симпатичную девушку, Иван Опалин наткнулся на труп. Причем не где-нибудь, а в самом центре Москвы, у Большого театра. Однако тело таинственно исчезло и даже личность убитого пока что можно лишь предполагать. Чтобы раскрыть это непростое дело, агентам МУРа придется окунуться в театральный мир, где под блистательным фасадом скрываются самые страшные и грязные тайны. Что может быть красивее и страшнее балета?! Тут, на Театральной площади, сходятся интересы разных слоев советского общества вплоть до самых верхов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-167805-0

© Илющенко В. В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Все персонажи и события
данного романа вымышлены.
Любое сходство с действительностью
случайно.*

ГЛАВА 1

Двое в ночи

Сумерки плывут над Москвой. Вдоль улиц протянулись цепи желтых огней, в черном небе холодная пятнистая луна то спрячется за облако, то выглянет из-за него. Громада ЦУМа — бывшего «Мюр и Мерилиз» — топорщится во тьме, как готический замок, каким-то чудом перенесенный в центр советской столицы. На улице Горького, бывшей Тверской, уже начинают закрываться шумные рестораны и стихают несущиеся из дверей волны джаза. Изредка проносятся машины, разрезая ночь светом фар. Сквер напротив Большого театра тих и темен, и молчит выключенный в эту пору года фонтан. Зеленую квадригу в вышине уже не видно. Тает в сумерках Аполлон, и над ним слабо хлопает по ветру красный флаг.

Припозднившиеся прохожие зябко поднимают воротники и ускоряют шаг. Впрочем, есть и такие граждане, которым ночь нипочем, и к ним, очевидно, принадлежал молодой человек, который неспешно шел по Петровке в сопровождении барышни. Она цеплялась за его рукав, блестя глазами и трещала, не закрывая рта. Из-под синего беретика выбивались

лихие рыжеватые кудряшки, миловидное личико светилось оживлением, а на ногах, несмотря на осеннее время, красовались туфли на небольшом каблукке. Свободной рукой барышня прижимала к себе маленькую сумочку. Окажись поблизости недоброжелательный наблюдатель, он бы не преминул заметить, что и сумочка, и темное пальтишко барышни не отличались красотой и вообще бросали вызов моде. Впрочем, наблюдатель более покладистый удовольствовался бы соображением, что незнакомка просто очаровательна, а что касается ее вещей, то они все равно не могут испортить общего впечатления. В конце концов, в 1936 году мало кто мог позволить себе шиковать и одеваться согласно последним предписаниям заграничных журналов.

— Ой, Ваня, как же хорошо посидели-то! — говорила барышня, зачарованно глядя на своего высокого темноволосого спутника. — И люди культурные, и обслуживание приличное. Знатная ресторация! А ты много получаешь? Ты не подумай, — поспешно спохватилась она, — я просто так спрашиваю. Мне любопытно. Вот у Катьки муж пожарный, но у него работа опасная... Ой, Ваня! — Барышня хихикнула и крепче прижалась к своему спутнику. — Я и забыла, что у тебя тоже работа не сахар. Ты вообще не похож... я хочу сказать, ты такой серьезный! Как профессор!

Серьезный Ваня ограничился тем, что улыбнулся. Улыбка у него была замечательная, открытая, что называется, от всей души — и заставляла забыть о страшном шраме, который шел наискось рядом с правым виском и был отчетливо виден даже сейчас, в октябрьских сумерках, разбавленных светом редких фонарей.

— Нет, ты лучше, — увлеченно продолжала барышня, — в самом деле! Профессора все старые. Прав-

Глава 1. ДВОЕ В НОЧИ

да, получают ужас как много! Я однажды видела профессора, так у него даже своя машина была.

— Люся... — смущенно начал ее спутник.

— Ну что — «Люся»? Я же сказала: ты лучше! Не машина же главное, в конце концов...

Уловив какой-то посторонний шум, Ваня машинально повернул голову. Навстречу им по тротуару от Большого театра шла женщина. Она двигалась очень быстро, стуча каблучками, и в ночи ее шаги казались особенно громкими. По Петровке проехал грузовик, и на несколько секунд его фары осветили незнакомку целиком. Она пробежала мимо Вани, бросив на него один-единственный взгляд, а через несколько минут свернула в какой-то переулок и скрылась из глаз. Ночь съела ее без остатка и поглотила ее шаги.

— Ишь ты! — протянула Люся.

Ей инстинктивно не понравилась незнакомка, точнее, не понравилось, как Ваня на нее посмотрел. Люся уже считала его чем-то вроде своей собственности, и невольно ее кольнула ревность.

— Знакомая, что ли? — спросила она, стараясь говорить как можно более небрежно.

— Нет, — просто ответил ее спутник.

— Духами душится, — пробормотала Люся, втянув носом воздух. — Фу-ты ну-ты! — Ее осенила неожиданная догадка. — А может, она из театра?

Ваня только плечами пожал, всем своим видом показывая, что это его совершенно не касается.

— Я в театры не хожу, — продолжала Люся, совершенно успокоившись. — Ну как не хожу — была один раз, не понравилось мне. Место далеко, неудобно, видно плохо, а на сцене кривляются чего-то. Хорошо еще, что билет был даровой, от нашей комсомольской ячейки... Вань, скажи, а ты бы мог перейти на другую работу?

— Зачем? — уже недовольно спросил ее спутник.

— Ну как зачем? Мне же страшно. Бандиты всякие, уголовники, а ты их ловишь. А если с тобой случится что?

— Кто-то должен и бандитов ловить, — буркнул Ваня, и по его мгновенно замкнувшемуся лицу Люся поняла, что совершенно зря затронула эту тему.

— Ваня, ну разве я против говорю? Я же пошутила. — Совершив этот типично женский маневр, Люся решила, что одних слов недостаточно. — Ты не сердишься? Нет? Точно нет? Тогда целуй меня. Целуй, а то не поверю!

Ваня наклонился к Люсе, но тут послышался шум машины, которая мчалась в ярком сиянии фар, и молодой человек увлек свою спутницу в темный переулок за театром, где можно было без помех целоваться сколько угодно.

— Ой, Ваня! — хихикнула девушка после того, как ее поцеловали не то в пятый, не то в шестой раз. — Погоди... дай дух перевести... — Она оторвалась от своего спутника, сделала шаг назад, покачнулась и ойкнула. — Ваня!

— Ну что? — спросил молодой человек, улыбаясь во весь рот.

— Ваня, я на что-то наступила, — обиженно сказала Люся, хлопая ресницами. — Я чуть не упала!

Ее спутник наклонился, рассматривая то, на что она наступила, потом внезапно посерьезнел и стал хлопать себя по карманам, вполголоса бормоча ругательства.

— Вань, ты чего? — пролепетала девушка, стухнув. Она ничего не понимала.

Достав коробок спичек, Ваня зажег одну из них и осветил то, что бесформенной грудой лежало у стены. При ближайшем рассмотрении груды оказалась телом, и было непохоже на то, что оно принадлежит живому человеку.

Глава 1. ДВОЕ В НОЧИ

— Ваня! — завизжала Люся, хватая спутника за локоть.

— А, ч-черт...

Спичка упала на асфальт и погасла. Дернув рукой, Иван стряхнул пальцы девушки и зажег следующую спичку.

— Ваня, — заныла Люся, — Ванечка!

Она сделала попытку снова вцепиться в него, но на сей раз Иван ее руку отвел.

— Ты можешь подержать коробок? — спросил он.

— Зачем? — в ужасе пролепетала девушка.

— У меня только две руки. Я хочу его осмотреть.

— Я... я...

Не слушая ее, Иван вручил ей коробок спичек, а сам наклонился над телом, осветив его неровным огоньком спички. Свободной рукой потрогал пульс, нахмурился, зачем-то осмотрел шею лежащего, а затем и голову. Спичка догорала, и Иван задул ее, уже когда пламя стало обжигать ему пальцы.

— Дай сюда коробок...

Он зажег новую спичку. Выражения его лица Люся не понимала — и не хотела признаться себе в том, что спутник пугает ее.

— Какая-то странная у него одежда, — пробормотала она, дрожа всем телом.

На лежащем было надето белое обтягивающее трико и нечто вроде пестрого короткого камзола, богато украшенного вышивкой и позументом. Глаза этого человека были раскрыты и смотрели мимо молодых людей в никуда. Закончив осмотр, Иван осветил спичкой циферблат часов на своем запястье.

— Семнадцать минут первого... хотя что это дает? Ничего не дает...

— Ваня, — шепнула Люся, совершенно растерявшись, — он что, умер?

Валерия Вербинка. ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

— Да не умер, а убит, — буркнул Иван, распрямляясь. Он задул спичку, бросил ее и спрятал коробок в карман.

— Ваня, я боюсь. Ваня...

— Не надо бояться, он тебе ничего не сделает. Вот что: я иду к метро, там на посту стоит милиционер. Я приведу его сюда. А ты...

— Ваня, я тут не останусь! — отчаянно вскрикнула Люся и зарыдала. — Ваня, не бросай меня...

— Люся, перестань... Люся!

— Почему мы вообще должны им заниматься? Пусть кто-нибудь другой его найдет! Такой хороший вечер был... ресторан... так славно посидели... Зачем все портить?

— Люся, ты в своем уме? — рассердился Иван. — Я муровец, между прочим... Я не могу его бросить и сделать вид, что ничего не было!

— Я тут не останусь!

— Люся, послушай...

— Нет-нет, я пойду с тобой! Если его убили... вдруг тот, кто убил, все еще здесь? Нет, Ваня, я не хочу быть одна!

Признав, что в ее словах есть резон, Иван смирился.

— Хорошо, идем со мной... Я расскажу милиционеру, что случилось. Еще опербригаду с Петровки вызывать придется... Пошли! Чем быстрее мы со всем этим разберемся, тем лучше...

Однако, когда через несколько минут Иван в сопровождении милиционера и спотыкающейся от ужаса Люси вернулся в переулок за Большим театром, труп исчез. И более того, ничто, ни одна деталь не указывала на то, что тут недавно произошло преступление.

ГЛАВА 2

Военный совет

— **В**от прям так взял и исчез? — недоверчиво спросил Петрович.

В кабинете было накурено. Дымили все: и уже знакомый нам Иван Опалин; и старый опытный опер Карп Петрович Логинов, которого коллеги называли просто по отчеству, потому что он не жаловал свое имя и периодически грозился его сменить, но за истекшие годы так и не решился; попыхивал папироской молодой курносый Антон Завалинка, который начал работать в угрозыске совсем недавно, и дымил душистой сигаретой высокий атлетичный красавец Юра Казачинский, сменивший на своем веку множество профессий и в конце концов приставший к опербригаде Опалина. Все они собрались, чтобы обсудить странное вчерашнее происшествие, в котором оказался замешан их непосредственный начальник.

— Представь себе, исчез, — сказал Иван в ответ на слова Петровича. — Как сквозь землю провалился. Тот милиционер, Галактионов, здорово разозлился, что я его сдернул с поста. Я ему стал доказывать, что труп был, и что не я один его видел. Он к Люсе, Люся от

ужаса ревет, мы стучать в театр, но все двери заперты. Наконец, отворили нам одну дверь — старый хрыч какой-то, сторож ночной. Как вы смеете безобразничать, говорит, это театр, говорит, академический. Я говорю — академический не академический, тут у вас возле стены труп лежал, где он? Старик вытаращился на меня и чуть не перекрестился, но одумался. Короче, ни о каком трупе он не знает и ничего подозрительного не видел. Представление давно закончилось, все разошлись, в театре никого. А я, как назло, после ресторации с Люсей, и вином от меня пахнет... В общем, тот милиционер, Галактионов, решил, что я с пьяных глаз напридумывал чего-то. И еще сказал, что придется ему бумагу моему начальству составлять — кто да почему его ночью сдернул с поста. Я сказал — да, конечно, составляй, только труп тут точно был, а вот куда он делся, пока мы с Люсей ходили за милицией, — это вопрос.

Слушая Опалина, Петрович шевелил своими мохнатыми бровями, что-то обдумывая. Казачинский докурил сигарету и смял ее в пепельнице.

— За театром там что — служебный вход? — спросил он.

— Да у них везде входы, — ответил Опалин с досадой. — Понимаешь, там переулок почти не освещенный, где с двух шагов не видно ни черта. Дверь не заметишь, пока в нее не уткнешься. А он лежал у стены. Про костюм его я говорил?

Казачинский кивнул.

— Костюм, судя по твоему описанию, балетный, — объявил Юра. — Сколько ему лет было? Не костюму, а тому, кого ты нашел?

— Я бы сказал, он чуть старше двадцати, — без колебаний ответил Опалин.

Глава 2. **ВОЕННЫЙ СОВЕТ**

— А следов крови на земле не было? — подал голос Антон.

— Откуда? Их и не должно быть. Его оглушили ударом по голове, а затем удавили. И еще, — Опалин нахмурился, — я, конечно, не доктор, но точно знаю: его убили задолго до того, как я его нашел. Как минимум за несколько часов.

Петрович вздохнул, полез в свой стол, достал оттуда смятую вчерашнюю газету и просмотрел последнюю страницу, на которой обычно печатались программы театров.

— Не мог он несколько часов незамеченным лежать, — решительно объявил Петрович, убрав газету и вытащив изо рта папиросу. — Юра прав: в переулке служебный вход для артистов. Вчера Лемешев выступал, знаешь, какая толпа его после представления поджидает? Труп бы сразу заметили. Нет, тут что-то не то...

— А жилые дома поблизости есть? — спросил Антон. Он горел желанием помочь Опалину, но пока не знал как.

— Есть, конечно. Прямо за театром — трехэтажный дом с колоннами, очень старый.

— Внутри коммунальные квартиры, — уточнил Казачинский. — И большинство жильцов — работники театра.

— А, значит, ты бывал в этом доме? — заинтересовался Антон.

— Приходилось, — ответил Юра уклончиво; но так как в МУРе было отлично известно, что женщины не дают Казачинскому прохода, все и без объяснений поняли, откуда он знает такие подробности. — Там музыканты живут, хористы, балетные тоже.

— Может, расспросить их? — предложил Антон.

— О чем? Надо хотя бы знать, кого мы ищем.

— Парень чуть старше двадцати, из балета, вероятно, работал в Большом театре, — перечислил Опалин. — По-твоему, этого мало?

— Чуть старше двадцати — это, скорее всего, кордебалет, а их в Большом человек сто, если не больше, — заметил Казачинский.

— А кордебалет — это что? — с любопытством спросил Антон.

— Ну смотри: есть балерины и премьеры, эти главные партии танцуют. Потом какие-то промежуточные ступени... солисты, что ли. У этих в спектакле отдельные номера. А кордебалет — они так, толпу изображают.

— Да? — протянул Антон. — Вроде как рядовые, значит. Обидно, наверное, все время толпой ходить...

— Они не ходят, они танцуют, — вмешался Петрович. — Ты что, никогда не был на балете?

Антон покраснел и ничего не ответил. Жизнь его до сих пор складывалась так, что почти все, связанное с искусством, было от нее бесконечно далеко. Опалин нахмурился и послал Петровичу предостерегающий взгляд.

— Да, кстати, — тотчас же перестроился Логинов, оборачиваясь к Ивану, — труп ведь не только ты видел, но и девушка. Она же может подтвердить, что он действительно был...

На лицо Опалина набежало облачко.

— Ты хочешь, чтобы я ее вытащил на допрос? Мы с ней и так уже вчера поссорились из-за этого...

— Допрос не допрос, — напирал Петрович, — но, когда придет бумага, что ты зря побеспокоил постоянного милиционера, тебе придется объясняться. Конечно, Николай Леонтьевич скорее поверит тебе, чем им, но...

Глава 2. **ВОЕННЫЙ СОВЕТ**

На столе Опалина хрипло затрещал телефон. Дернув щекой, Иван снял трубку.

— Оперуполномоченный Опалин слушает... Да... Уже иду, Николай Леонтьевич. — Он повесил трубку, затушил в пепельнице папиросу и скрылся за дверью.

— Как бы у него неприятностей не было из-за этой истории, — неожиданно сказал Казачинский.

— Да ладно! Леонтьич его отобьет... — Петрович бросил быстрый взгляд на Юру и решился. — Слушай, а ты сам-то что думаешь? Раз имеешь представление о балетных и даже в дом их хаживал...

— Да какое там представление — так, слышал что-то краем уха. — Казачинский пожал плечами. — Девушка у меня была из хора, а они в опере поют... Встречались, то-се, но не заладилось. Соседка ее из балета забегала иногда в комнату, сплетнями делилась. Ты об Ирине Седовой слышал?

— О ней даже я слышал, — встрял Антон.

— Ну вот, она несколько месяцев назад ногу подвернула. Все надеялись, что теперь-то она танцевать не сможет и ее кто-то заменит. Только она вылечилась и танцует, как прежде. — Казачинский поморщился. — Знаешь, у них очень странный мир. Если кто-то травму получает, другие прежде всего думают, а не сможет ли это лично им продвинуться. Но вот то, что Ваня рассказал...

— Да? — насторожился Петрович.

— Оглушили и задушили — это же уголовщина чистая, вот я о чем. Там не так счета сводят. Совсем не так.

— А как? — спросил Антон.

— Как? Ну... Кучкуются, чтобы выжить неуютно. Не пускают танцевать ведущие партии. У них же век короткий — если ты до тридцати не вышел на глав-

ные роли, то ничего уже не добьешься. Там вообще много всего, — добавил Казачинский. — Соседка Милы такое рассказывала...

— А, значит, твою девушку Милой зовут?

— Мы расстались, я же говорил. Да какая разница...

Пока в кабинете опера обсуждали ловушки балетного мира, Иван Опалин поднялся на верхний этаж знаменитого здания на Петровке и был принят начальником, Николаем Леонтьевичем Твердовским.

— Что это за история с трупом у Большого? — спросил Твердовский без всяких околичностей.

Он сидел за столом, сцепив пальцы, и своей широкоплечей, грузноватой фигурой заполнял все кресло. На стене над головой Твердовского висел портрет Сталина.

Иван в очередной раз рассказал, как все было, опустив только некоторые несущественные, по его мнению, детали — вроде бурной ссоры с Люсей по дороге домой. Его превращение из галантного поклонника в жесткого несговорчивого сыщика испугало девушку, и она без обвиняков дала ему понять, что им лучше больше не встречаться.

— Мне тут цидулку прислали, — брезгливо промолвил Николай Леонтьевич и двумя пальцами поднял со стола какую-то бумагу, отпечатанную на машинке и снабженную несколькими размашистыми подписями. — Тут все подано так, что ты, Ваня, был в стельку пьян и зря потревожил милиционера. И вообще, так колотил кулаком в дверь театра, что милиционер этот заподозрил в тебе нездоровую склонность к дебоширству...

— Если труп в театральном костюме лежит возле театра, что я должен был подумать? — не удержавшись, выпалил Иван.